

**Александр
Евсюков**

**Александр
Евсюков**

**ДВЕНАДЦАТЬ
СТОРОН СВЕТА**

рассказы и эссе

Формаслов

Москва

2021

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Е25

Е25 Евсюков, Александр

Двенадцать сторон света / А. Евсюков. — М.: Формаслов, 2021. — 250 с.

ISBN 978-5-6045425-8-3

Книга издана при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации и техническом содействии Союза российских писателей

Книга Александра Евсюкова «Двенадцать сторон света» — это сборник рассказов и эссе, в которых жизнь запечатлена в самых разных её проявлениях. Колоритные края — от Болгарии до Байкала и от Крыма до Финляндии, — характерные персонажи и сменяющие друг друга эпохи — с конца XIX до начала XXI века.

Перед вами не картонные декорации и не случайные герои, а масштабные художественные образы: парадоксальные, трогательные, вызывающие интерес, узнавание и сочувствие. Сложная мозаика разнообразных историй и размышлений о мире, отражённом объёмно и подлинно. Пружинно пойманная взаимосвязь времени, места и героев поможет понять нечто важное и о самих себе.

ISBN 978-5-6045425-8-3

УДК 821.161.1-3

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

© А. Евсюков, текст, 2021

© С. Овакимян, обложка, 2021

© Формаслов, макет, 2021

Часть первая

Моя вдова

*Король я не умру бродягой под забором
Сжав зубы я гляжу как мечутся мечты
Наивные мечты с печальным детским взором
Но Смело в путь кричит мне ветер с высоты¹*

Гийом Аполлинер

¹ Перевод М. Ваксмахера.

Приступ

(рассказ-динтих)

1

Мальчик жил на свете недавно, но уже многое чувствовал и понимал. Понимал, что мама с папой рано уходят на работу и всегда поздно оттуда возвращаются. Поэтому им и приходится на всю неделю оставлять его в городе Шахтино с бабушкой, а не забирать к себе в посёлок. А бабушка — она вроде бы и добрая, но всё-таки ядовитая, как чёрная змея-ехидна из передачи «В мире животных». Маму она почему-то не любит. Видимо, у неё были другие планы на папину жизнь.

Поэтому с каждым купленным ему гостинцем она просто не могла не вернуть что-нибудь язвительное про маму, и от этого самое лакомое мороженое, или пышная сахарная вата, или пузыристая газировка из сифона становились совсем не такими вкусными, как для всех других детей и некоторых взрослых.

— Я-то тебе вон что покупаю, а эта балбеска гонористая купит чего? Нет!

Мальчик принимал осквернённые дары с потухшим взглядом и уже не мог их никуда деть — бабушка не спускала с него глаз. Но он всё реже о чём-нибудь просил её, зато безоглядно наслаждался нечастыми мамиными угощениями. И много раз наедине, а иногда даже при бабушке, он брался объяснять маме, что не надо, не надо, не

надо оставлять его здесь, что он уже вырос и может быть дома один. Вернее, с обеими разноцветными кошками и лохматой собакой Бимкой во дворе. Но мама только ласково и грустно ему улыбалась, гладила и целовала в макушку, чтобы снова выйти на площадку и скрыться от него на пять долгих дней. Отец обычно прощался с ним как-то наспех и выскальзывал из квартиры раньше.

Однажды мальчик проснулся от ярких вспышек с улицы, которые празднично и немного жутко освещали ночной двор и всё вокруг. Он быстро догадался, что это салют. Захотелось тут же выскочить из-под одеяла и подбежать к окну. Но вдруг мальчик заметил бабушку. Она, замерев, стояла на балконе в своей длинной ночнушке, куда-то вглядываясь. Похоже, ей салют совсем не нравился. Он разглядел, как сильно бабушка сжимала свои узловатые пальцы, поднимая руку, — будто крестилась кулаком. И заклинала вполголоса:

— Скорей бы Гонец Цвета... Скорей... скорей! Что-бы — всех!!

Не понимая, что это может значить, но спасаясь от её жуткого шёпота, мальчик с головой накрылся байковым одеялом. Но и сквозь него всё равно просвечивали вспышки. То зеленоватый, то красный, то ослепительно белый, летел по небу над окнами огромный, сияющий и неуловимый Гонец Цвета. Наконец все вспышки растаяли, и стало привычно темно, как бывало каждой ночью.

Кроме бабушки здесь же, в квартире, жил дед. Дед был хороший, он работал в шахте и был передовиком. Но когда-то давным-давно его незаметно отодвинули в сторону от всего, кроме работы. И с тех пор он жил, как

постаревший царевич, который так и не дождался своего царства. Вечерами обычно усаживался у телевизора, а в выходные дни всегда находил себе занятия во дворе или в подвале.

Почти про всех соседей бабушка говорила с насмешкой — было видно, что они трусили с ней связываться. Лишь одного — соседа снизу — она сама всерьёз опасалась. Того самого, кого все вокруг дружно прозвали Анатошкой. Он был самым скандальным жильцом во всём подъезде, так что на каждый шум сверху или за стеной мог немедленно заявиться «качать права».

Вот из-за этого самого Анатошки нельзя было ни подпрыгнуть, ни как следует разбежаться вдоль большой комнаты, ни даже в голос позвать друзей с балкона. Коварный Анатошка всегда таился в тёмном подполье. Сам мальчик видел его только однажды, да и то со спины, но часто представлял во всех злодейских подробностях: как он похож на Коцея Бессмертного, только в низко надвинутой кепке, с длиннющим лицом и противным высоким голосом. Ну голос и представлять было не надо — мальчик отчётливо слышал его много раз. «*Прямо власть взяла!*», — с завистью качала тогда головой бабушка.

В начале лета пришла пора устанавливать новую дверь в квартиру. Вообще-то, мальчик ещё не разобрался, что же было не так со старой. Но в назначенный день бабушка с самого утра стала маячить взад-вперёд по комнатам и кухне, то и дело выглядывая из окон или с балкона.

Однако нужные люди из ЖЭКа никак не приходили — ни сразу после обеда, как обещали сначала, ни в половине третьего, ни в четыре часа. Бабушка уже вся

извелась: она ходила и ходила из угла в угол, рассеянно вытирая пыль на одних и тех же местах, и возмущённо стенала. Иногда она вдруг обращала внимание на мальчика, будто спотыкалась об него, и то предлагала повторно налить ему вчерашнего рыбного супа, то бросалась включать телевизор, но вместо мультиков и интересных передач и там и тут шла «профилактика» — всей огромной стране показывали только квадратики на экране.

Наконец, когда длинная стрелка чуть-чуть не догнала короткую, раздался звонок. Едва присевшая на диван бабушка подскочила от неожиданности, а затем осторожно подкралась к двери.

— Кто там? — чужим, каким-то сгущенным голосом спросила она.

— Мастер, — раздалось снаружи. — Вызывали?

— Вызывали. А чего шёл так долго?

— Заявок много, а я сегодня один.

— Как один? — изумилась бабушка.

— Так один.

Нарочно громко заохав, бабушка отворила оба замка и сняла цепочку.

Через порог шагнул крепкий широкоплечий мужчина с короткими упрямыми волосами на лобастой голове. От него пахло маслом, одеколоном и свежим потом. Все эти запахи были мальчику уже знакомы, но сейчас всё равно вызывали какой-то непонятный интерес.

— Хозяйка, принеси пока воды попить, жарко на улице.

Бабушка скрылась на кухне.

— Игорь, — представился мастер и, присев на корточки, протянул мальчику руку. Впервые в жизни взрослый

так здоровался с ним, мелким шкетом. Рука тоже оказалась большой и крепкой, с широкими пальцами и наколкой на запястье в виде якоря. Было страшно приподнять и вложить свою маленькую бледную ладошку в эту огромную бронзовую ладонь. И в то же время очень-очень хотелось этого своего первого рукопожатия. Мальчик украдкой взглянул на бабушку, она как раз вернулась с полным ковшом воды.

— Не бойсь, — по-доброму усмехнулся Игорь. — Как тебя звать?

— Л-лё-ня, — с трудом выговорил мальчик и наконец решился протянуть свою ручонку.

— Привет, Леонид! — Игорь осторожно обхватил его ладонь, слегка встряхнул и, дождавшись ответного пожатия, выпустил.

Залпом осушив полный ковш холодной воды, он разложил инструменты и взялся за дело. Начался весёлый и бодрый шум. *«Это вот — дрель. Это стамеска. Это молоток. А вот — замок ваш новый. Старую-то ружлядь снимем сейчас»*, — успевал пояснять ему Игорь. Вскоре оказалось, что в каждом инструменте жили свои звуки, своя музыка, притом такая разная, что одну ни за что не спутаешь с другой.

Вот и старая дверь, разлучённая с таким же старым дверным косяком, встала, прислонившись к облупленной стене на площадке.

— А ну, не мешай дяде Игорю, отойди, — раз за разом повторяла бабушка и выпроваживала его из коридора в комнату.

Профилактика уже закончилась, и начался долгожданный мультфильм. Но Лёне почему-то становилось неин-

тересно от мультфильма, как было невкусно от мороженого после ядовитых бабушкиных слов про его маму. И уже через минуту он, как замороженный, снова оказывался в коридоре возле Игоря, глядя то на его открытое лицо, то на запястье с якорем.

— Видал? Я, Лёня, на флоте служил. Три океана видел. Ну, и всякого там нагляделся... Но про всё рассказывать пока что нельзя — я ж подписку давал.

Лёня восторженно кивал. Три океана! И ещё что-то, о чём вообще нигде и никому нельзя говорить, даже под самым строгим секретом!

— Скоро ли? — вклинилась бабушка. — Без двери мы тут всё равно что голые ходим. Может, вызвать кого на подмогу?

— Сейчас, бабуля! Потерпи чуток.

Игорь, широко расставив ноги и громко крикнув, приподнял новую дверь и стал сажать её на петли. Лёня замороженно ловил каждое его движение.

— Что ж ты — так один всё и сделаешь? — бабушка всплеснула руками и отступила в большую комнату.

Фигура в надвинутой кепке возникла внезапно — звука шагов Лёня не услышал. От неё разило чем-то кислым и прогорклым. Лёня сразу с ужасом понял, что перед ними тот самый грозный Анатолька.

— Я сосед снизу, — сдавленно прошипел он.

— Ну, здорово, сосед, — приветливо кивнул Игорь.

— Вы что это устроили?.. Я, значит, с работы — только отдохнуть собрался...

— Время разрешённое, а ночью отдохнёшь, как другие граждане, — невозмутимо парировал Игорь, прищу-

рив левый глаз и карандашом намечая отверстия в дверной коробке.

Мальчик замер. И зачем это Игорь отвернулся от него? Он же не знает — Анатолька что угодно может ему сделать!

Но пока Анатолька продолжал, как обычно, «брать на голос». Правда, теперь он взвизгивал громче дрели, однако Игорь, ничуть не отвлекаясь, продолжал делать своё дело. Вдруг пронзительный взгляд Анатольки зацепился за мальчика в глубине коридора и даже в его светлых глазёнках угадал насмешку над собой. Тогда он решительно шагнул вперёд и нагло дёрнул дрель из рук Игоря. Сверло замерло, бодрая музыка инструмента оборвалась.

Уже не отпуская Анатольку взглядом, Игорь неспешно встал с корточек. Отложив дрель, он резко схватил и протянул его к себе, а ногой тут же прихлопнул дверь, чтобы Лёня не увидел чего-нибудь лишнего. Голос Анатольки снаружи вдруг зазвучал испуганно и сипло. Игорь тоже что-то негромко выговорил. Затем послышался короткий вскрик и дробный перестук по лестнице.

А новая дверь, после громкого хлопка, вновь приотворилась, так что взгляду мальчика открылась яркая щель. На верхней ступеньке лестницы в полоске солнечного света лежала смятая кепка. Игорь ловко наклонился, поднял её и размашисто запустил вниз, следом за внезапно ставшим таким смешным и жалким Анатолькой.

— Что за горлопан у вас? — усмехнулся Игорь.

— Да так, — пожал плечами Лёня.

Через несколько минут они позвали бабушку:

— Готово, хозяйка! Работу принимай... Замок-то вам не высоковато?.. Ну, сами так захотели! Вот, закрывается

на два оборота... и обратно тоже на два. Дверь отличная — никакой приступ не страшен!

Бабушка смотрела на него, но только качала головой и ничего не могла взять в толк. На прощание Игорь вложил второй ключ в маленькую Лёнину ладонь:

— Держи, мужик! Это дубликат называется. И не теряй.

Бабушка была не в себе до самого вечера. Только дождавшись припозднившегося деда и осыпав его всеми возможными придирками, она понемногу отошла.

Больше двух недель Анатолькиного голоса совсем не было слышно. На время он стал тише воды ниже травы. А позже, подкрадываясь к новым скандалам, сначала озирался и примерялся, чтобы не встретить внезапный отпор от какого-нибудь нового Игоря.

2

Бесконечно тянулась сырая вязкая поздняя осень. День за днём уныло шли дожди, так что вся земля замесилась в грязь. Однако что-то там, наверху, всё-таки происходило. Слово *перестройка* звучало от взрослых всё чаще и непонятнее. Зато слово *дефицит* Лёня уже понимал наглядно и отчётливо. Бабушка то и дело таскала его с собой за этими самыми дефицитами, и время от времени он становился *вторыми руками*, в которые можно заполучить что-либо ценное. Но для этого ему надо было долго и терпеливо стоять, не вертясь под ногами, а только хорошо запомнив нужные ноги в потёртых туфлях или в грязных сапогах, с сумкой, постиранным пакетом или растянутой авоськой.

И медленно-медленно двигаться в этой душной тесноте. Да ещё и мама так давно не приходила! Говорят, она болеет и её *положили*, и поэтому не может повидаться с Лёней. А отец сам находит вечные отговорки. Лёня, как и все вокруг, стал сильно ждать снега — со снегом сразу станет легче.

В этот вечер дед пришёл домой с каким-то особенным взглядом — немного растерянным и как будто по-новому оглядывающим квартиру. Лёня уже знал, что совсем скоро деду предстояла пенсия. Правда, ему оставалось ещё несколько рабочих смен. Но дед уже со всеми договорился, отработал заранее и на эти самые последние смены выходить не стал, чтобы не *дразнить гусей*. Скольких его товарищей заваливало в их последний выход! Вызволить живыми успевали далеко не всех. Видно, эти самые подземные гуси не отпускали.

— Ну, чего встал? — сразу накинулась на него бабушка. — Разулся, так проходи уже!

— Третья моя шахта... и последняя теперь, — сиротливо вздохнул дед.

Бабушка принялась, но ничего подозрительного, видимо, не учуяла.

— Всё, отработал, значит? Лодырь ты теперь?

— Как ты, что ли? — вполголоса огрызнулся дед. — Иди, шастай по своим магазинам!

Бабушка не нашлась чем ответить и решила пока затаиться. Она окинула взглядом Лёню, видно, хотела что-то скомандовать, но передумала.

— Ладно, тут посидите. Щи вон в кастрюле, — бросила она напоследок и закрыла дверь снаружи.

Ужинать дед не стал. Не включил телевизор. Не взялся за газету. Все привычные дела стали вдруг совсем непривычными. Он сидел и напряжённо думал, представляя, как там сейчас в шахте, кто ползёт по проходу вместо него, кто первым даст сигнал на перекур и кто сделает главную выработку. Лёня молчал.

Дед погладил его по макушке, стараясь улыбнуться.

— Мамка-то знаешь где твоя? — дед оглянулся, будто кто-то мог их подслушать.

Лёня мотнул головой.

— Сестрёнку тебе рожают или братика.

Лёня удивился, а потом вдруг сильно обрадовался. Так сильно, что захотелось прыгать и кувыркаться. Он побежал вдоль комнаты. У него! Будет сестрёнка! Или братик! Но сестрёнка — лучше.

Он то и дело оказывался у одной, другой, третьей стенки, а радость всё не унималась.

— Деда, а давай поборемся? — протянув руку, с восторгом предложил Лёня. — Ну давай, а?..

Они с дедом уже несколько раз боролись на полу, застеленном ковром. Дед ложился на спину, а Лёня забирался сверху. Обычно после весёлой возни он «побеждал», по очереди прижимая к полу то одну, то другую дедову руку.

Несколько недель назад, пока внук праздновал свою очередную победу, дед вдруг почувствовал, как тесно становится его сердцу и как мало воздуха в комнате, но, отдышавшись, вскоре перемогся. Правда, после этого на пол он уже не ложился — говорил, что сильно устал. Но сейчас и эта радость внука, и охота сдвинуть с места

свою новую, нерабочую жизнь так захватили его, что он согласился побороться.

Лёня тут же с весёлым и яростным рыком набросился на него. Выскользнуть из захвата. Головой в бок. Держать, держать, не выпуская, эту большую взрослую руку. Лёня смеялся и рычал, рычал и улыбался. Вдруг рука деда сжала его сильнее, так что Лёня едва не вскрикнул, — и разом ослабела. Дед захрипел. Это, конечно, могло быть хитростью, поэтому Лёня не стал выпускать его руки. Но вдруг всё дедово тело судорожно дёрнулось, и он с отчаянной мукой застонал. Лёне стало ясно, что это всерьёз, он тут же выпустил руку и слез с него. «Деда, деда?» — тонким голосом, будто входя в жуткую тёмную комнату, позвал он. Но деда не отвечал, а его лицо покрывалось пятнами. Лёня встал и кинулся искать выход. Он нарочно прыгал и громко топал по полу, но снизу, от ставшего вдруг таким нужным Анатольки, не донеслось ни звука. Залез на подоконник, пытаясь докричаться с третьего этажа в приоткрытую форточку. Но там, за окном, никого не было, только дождь стучал по стеклу.

Телефон, вспомнил Лёня. У соседей есть телефон! Но через стену не достучаться. Надо как-то выйти из квартиры. Лёня волоком притащил табуретку с кухни и подставил к двери. Дверь хорошая — её же Игорь поставил и ключ ему отдал. Должна же она...

Лёня встал на табуретку, чувствуя, как она шатается под ним. Вот и замочная скважина. Он вставил туда ключ и обеими руками повернул раз и два. Дверь стукнула по краю табуретки, Лёня едва не рухнул вместе с ней, но

вовремя вцепился в ручку. Спрыгнул вниз и выбежал на площадку. Он стал стучать в соседскую дверь. Но там очень громко работал телевизор. Так его никто никогда не услышит. Надо как-то дотянуться до звонка и нажимать, нажимать, нажимать, пока не откроют. Он вытащил табуретку, краем глаза заглянув в большую комнату. Оттуда донёлся одинокий глухой стон. Одна нога деда лежала на полу, а другая согнулась в колене. Лёня подставил табуретку, но было всё равно слишком низко. Заколотил в чужую дверь изо всех сил: «Ну, кто-нибуудь! Тёоо-тя-а-а Тоооома... дядяааа как-тебя...» Табуретка сильно закачалась, и он бы точно грохнулся вниз на бетон, но вдруг кто-то подхватил его сзади.

Лёня устало повернул голову и при свете тусклой лампочки узнал Анатолюку.

— Деду плохо? — спросил он Лёню.

Лёня беззвучно кивнул. Анатолюка стал настойчиво звонить в дверь.

Через минуту открыла соседка, тётя Тамара с круглым, будто всегда чуть опухшим лицом:

— Тебе чего?

— Деда... Плохо ему, — сквозь рыдания выговорил Лёня.

— Сейчас скорую вызову. Как ты до звонка-то дотянулся?

Лёня оглянулся — Анатолюки позади него не было.

Соседка подняла красивую красную трубку и вызвала скорую, дважды громко повторив их адрес.

— Теперь ждите. К моей-то свекрови на той неделе почти сутки ехали.

Но в этот раз доктора приехали быстро. Раскрыли деду рот, что-то проверили и поспешно унесли его на носилках. В сумерках у подъезда светились отблески «мигалки».

И бабушка, и внук точно знали, что рано им сегодня не уснуть. Про деда они не говорили. Телевизор был включён, и они наперекор всему долго ждали *интересного кина*. Но фильма всё не было. Долго-долго выступали громкие дяди в костюмах — депутаты Верховного Совета. Они всё время спорили и перебивали друг друга.

«У соседей кроме телефона ещё и телевизор цветной, — подумалось Лёне. — А что толку — кина-то всё равно нет».

Свет фар со двора заползал в их окна. Бабушка встала с дивана и гневно зашептала.

— Скорей бы, — повторяла она, — скорей бы Гонец Цвета!

Лёня вдруг точно вспомнил, когда такое слышал. Но сейчас он не прятался от неё под одеяло. Даже не отвернулся. Сейчас он мог ей ответить. Мог возразить. Вопреки всем этим крикливым дядькам в телевизоре, которые брались говорить и никак не могли остановиться.

— Не надо! — громко сказал он.

Бабушка удивилась. Отступила от окна.

А он встал и пошёл за ней, повторяя много раз:

— Деду обратно привезут. И мама за мной придёт. Поняла?

Бабушка, не отвечая вслух, отходила из большой комнаты в узкий коридор, а оттуда в тёмную спальню, будто пытаясь где-нибудь укрыться от него, как затравленная дичь от настырного охотника.

— И Гонца Цвета не будет, не будет, не будет!

Слова стали глухими и тяжёлыми. Бабушка бессильно опустила на край застеленной кровати и сидела так, не поднимая головы. Только её острые плечи чуть заметно вздрагивали. Будто бы Лёня, её внук Лёня, этот маленький бледный мальчик, вдруг обрёл над ней такую же грозную власть, какая раньше была у подпольного соседа Анатольки. И, ощутив это, Лёня как никогда сильно удивился и перестал повторять одни и те же слова. Он понял, что не так её расслышал. Но всё это говорила не она сама, а огромный страх внутри. Лёня улыбнулся и осторожно провёл рукой по её опущенной седой голове. Он уверился — конца света не будет.

За окнами дома над всем городом и посёлком, над больницей и роддомом волшебными крупными хлопьями летел снег.

Сапог

Сапог —

1. Бывший военный, сохранивший армейские привычки.
2. Невежественный, не разбирающийся в чём-либо человек.

Смартфон на прикроватной тумбочке тонко пискнул. Измотанный Даня неподвижно лежал ничком, но уже без малого полчаса как проснулся, поэтому расслышал. Приоткрыв левый глаз, он неохотно протянул руку.

Что-то куда-то пришло и, видимо, как-то его касалось: сообщение, уведомление или же электронное письмо — сразу было не понять. Даня методично проверил соцсети, промчался по мессенджерам и уткнулся в почтовый ящик — ничего нового. Где же тогда? Ещё через минуту он вспомнил про банковское приложение — решил проверить и его. Дважды сбивался, набирая ПИНкод. Наконец мультяшные облака на экране расступились и пропустили его к виртуальным сокровищам.

«Входящий перевод — 50 000 рублей». Даня, резко подскочив, сел в кровати и кулаком протёр оба глаза. Затем пересчитал нули. Всё верно и никаких данных — откуда вдруг такое счастье?

Теперь ему не было покоя. Заварив чай, он стал выдвигать и тут же отбрасывать разные версии. Итак, работы у него сейчас нет, и заказчики ничего ему не должны. До дня рождения ещё почти четыре месяца, да и кто бы мог настолько расщедриться? Даже жена вдруг решила, будто

они разругались, причём так, что она наскоро собралась и в час ночи укатила на такси к родителям. Уже третий день сидит там вместе с детьми.

Допив остывший чай и перебрав привычные варианты, как ворох сваленной на пол одежды, Дания размашисто шагнул из кухни в комнату и споткнулся о нераспакованные коробки с остатками тиража его книги. Тут Дания вспомнил, что он — писатель и горько усмехнулся. Конечно, говорить об этом некрасиво и даже думать так несколько неудобно, но проверить-то всё-таки надо. И не только надо, но и очень хочется. Причём с каждой секундой всё сильнее.

Дания нашёл закладку с сайтом, где выставлена его электронная книга. Выставлена бесплатно, но снабжена настоятельной просьбой: перечислить автору немного материальных средств по мере возможности. Ага, шесть скачиваний. Вчера было только пять. Смелая мысль вдруг закралась в Данину голову: а что, если за прошедшие сутки кто-то скачал эту его единственную книгу? И потом этот кто-то стал читать и оказался под столь сильным впечатлением, что отправил ему сумму, в сто двадцать пять раз большую, чем Дания мог рассчитывать в своих самых смелых ожиданиях. Ну да-а, конечно, — на четвёртом десятке ты всё ещё веришь в сказки? До этого момента в его виртуальный карман прилетели только два жалких стольника. То есть сначала пара воробышек-заморышей и вдруг — целый птеродактиль! Интересно, кто же этот его неведомый благодетель? Или просто дурацкая опшибка номером, и теперь этот кто-то уже названивает в колл-центр, требуя немедленно вернуть всю сумму обратно?

Попробовал было писать, но все мысли как отрезало. Причём Даня понял это сразу, едва проснувшись, ещё до пискавого оповещения. Все герои показывали ему фигу, пейзажи и обстановка размывались бесцветными пятнами — суть ускользала. Он писал, перечитывал и всё удалял. Часы бесплодно проходили, но оправдать своё существование сегодня было нечем.

Вконец измучившись, Даня собрался и вышел за покупками. Интересно получится, если деньги исчезнут ровно в тот момент, когда ему всё пробьют на кассе и останется только оплатить. Однако до магазина было совсем недалеко, и, начав с малого, он вошёл в азарт и вот уже набрал целую тележку. Выгружая продукты на ленту, Даня ловил на себе подозрительные взгляды. Или так только казалось? Но оплата легко прошла с первого раза. На радостях он даже подсыпал мелочи калеке-нищему. Немного задержался возле низкой скамейки и в ранних сумерках посмотрел на свой дом как-то по-новому. Экая монолитная громада нависала над ним! А своих окон на седьмом этаже отсюда не разглядишь — они выходят на другую сторону.

Войдя в квартиру, Даня сразу заметил, что свет на кухне включён. За столом расположился его тесть — как всегда обритый налысо «сапог» в отставке, поджарый и собранный. Уже несколько лет он замдиректора по кадрам в ЧОПе «Гранитный мир». Или что-то в этом роде.

Даня прошёл на кухню, не разуваясь и не выпуская тяжёлых пакетов из рук. В воздухе будто трещало электричество. Краем глаза он заметил, что телевизор включён без звука.

— Здорово, Юрьич, — поставив пакеты на пол, Даня с внутренней опаской протянул ему руку. Тот крепко её стиснул.

— Мне Аня свой ключ выдала. Садись, поговорим.

Даня медленно опустился на табуретку. Как же ему теперь говорить? С таким родственником будто весь русский язык забывается. Надо сразу брать в руки военный устав, чтобы перевести свои штатские мысли на понятные ему термины.

— Сижу.

— Взят что? Или одна закусь? — поинтересовался тесть.

— Еды набрал. Ну, ещё чая и сока.

— Заработал много?

— Пока сам не пойму.

— Это как?

— Да вот, пришёл какой-то перевод непонятный.

— Так надо сообщить куда следует!

— А куда теперь сообщают? — промямлил Даня.

Но вместо чёткого ответа или нового вопроса тесть только странно усмехнулся:

— Ну, это успеется. У меня есть с собой чуток — для понимания.

И выставил на стол коньячную бутылку, как солдата на пост.

— Разливай давай! Вздрогнули. Что у вас с Аней такое?

— Решили отдельно побывать, успокоиться.

— Это я знаю. А чем ты вообще зарабатывать думаешь?

— Может, к вам в контору пойду?! — напёрлся Даня.

Тесть, опрокинув в себя стопарь, окатил его пренебрежительным взглядом, как негодного к строевой новобранца:

— Не возьму. Там ты быстрее всех накосячишь. Вот что ты реально по жизни делать можешь?

— Много чего, — пожал плечами Дания.

Тесть покачал головой:

— Много чего ты перепробовал, только не прижился нигде. Так ведь?

— Можно и так посмотреть...

— А, значит, можешь ты делать ровно две вещи — внуков мне и книжки свои писать.

— Да это на хер никому... — стал возражать Дания.

— Отставить, солдат. Внуки от тебя годные.

Тесть махом опрокинул ещё стопку. Он сегодня пил чаще, а ошалевший Дания уже дважды пропустил.

— Слушай, — продолжил тесть, — я, когда сюда собирался, Аню сначала послушал, на внуков внимательно поглядел. Почти уже надумал тебе морду бить, конкретно так и основательно, чтобы в чувство привести. — Дания вздрогнул. — Но я же теперь не в своей части — тут настрой нужен. Тогда вспомнил, что ты там чего-то пишешь, а я не читал и даже не заглядывал. Дураку понятно, что говно, но всё-таки непорядок. Дай, думаю, загляну сперва и пойду назавтра с чистым сердцем. А книжки твоей как раз и нет, затерялась куда-то. Непорядок, думаю, — всё равно найду, из принципа. Пошёл в Интернет скачивать. Полазил там и нашёл. Долистал было до середины, потом в начало вернулся. Читаю, читаю — и как-то не так мне становится, не пойму отчего. Как будто похмелье прошло, а трезвость так и не наступила, — он смущённо провёл ладонью по лысине, будто говорил о чём-то постыдном. — И вдруг шарахнуло, почти как при контузии: это же — про меня. Точно про меня. Только я бы слов таких не подо-

брал. Одни мысли куцые, а тут — на тебе... Потом сижу, думаю, аж вспотел: как эта штгафирка протёртая, свинья в берлоге, прохвост, пороху не нюхавший, такое изнутри меня вынул, откуда в нём-то это всё?? Так до утра и просидел, пока из-за стола не выпнали. Тогда втихаря и перевёл тебе денег. Чтоб даже не думал, чтоб ещё писал.

Тайна внезапно открылась. Даня изумлённо застыл, вглядываясь в лицо тестя.

— А потом взял себя в руки и думаю: схожу, проверю, как он там? Может, уже шалав себе навёл, пока один-то? Ну, вижу, молодец, — работай дальше!

— На балконах курить по закону не положено, — снова предупредил тесть.

— Ну, один-то раз отступим, ради такого случая, — подмигнул Даня.

Георгий Юрьевич согласился. Они встали рядом.

— Есть всего две важные вещи: звёздное небо над нами и нравственный закон внутри, — изрёк Даня. — Так говорил этот... философ Кант.

— Небо и закон — это хорошо, — со значением кивнул Георгий Юрьевич.

Как же всё к этому пришло, думал Даня. Он же не хотел этого, откладывал, занимался другим. Но что-то неудержимо полезло и попёрло из него кусками, абзацами и страницами и уже не позволяло ему остановиться. Другая сторона жизни время от времени выныривала из тумана, как круп лошади, и вскоре снова скрывалась в нём. Детский сад, пособия, подработки...

Одну книгу, их первое совместное бедствие, они как-то пережили. Но когда через неделю после презентации

он заявил, что берётся за вторую, Анино терпение лопнуло. Даня чувствовал себя бездушным эгоистичным чудиком, но «расколдоваться» никак не мог. Она бросала ему прямо в лицо самые ядовитые и заковыристые оскорбления, какие только могла выдумать, а он чувствовал, что не способен ни разозлиться, ни огрызнуться всерьёз. Даня как будто слушал незнакомые прежде модуляции на совершенно новом, неизвестном ему языке и даже раз решительно невпопад улыбнулся в ответ.

Аня, стукнув дверью, ушла в ночь. Младшая была завёрнута с головой, старший понуро топал рядом.

А он остался. И, к своему горькому стыду, был почти счастлив. В холодильнике кое-что оставалось, и можно было до послезавтра никуда не выходить. Через три минуты Даня засел писать. Среди ночи внезапно вспомнил, что надо бы спросить, как они там доехали. Отправил вопрос в мессенджер. «*Ты — мудака*», — ответила она следующим утром. «*Знаю*», — написал он, убедившись, что всё в порядке.

— А ты пиши. Пиши... пока никто не видит. Как будто *на губе* уже сидишь, всех обманул и пишешь. Это каторга твоя. И привилегия. Пока не застукали — пиши. Я не смогу так. Хоть удавлюсь — не смогу. Анька — она хорошая. Детей воспитает. Мы с матерью поможем, когда чего... И ты — тоже что надо сделаешь, — Георгий Юрьевич ткнул пальцем в сторону Дани. — А пока — пиши. Закройся, упрись — и до опупения. Это как плац драить... Как за родину в рост из окопа. Это как, ну, это... самое то...

Голова тестя повисла, его подбородок уткнулся в грудь. Слыша тихий храп, Даня чувствовал, как трезвеет. Сквозь

этот пошлейший разговор, с извечным переливом из пустого в порожнее, вдруг сверкнул первозданный смысл. Этот «сапог», в жизни своей не читавший ничего, кроме уставов, неожиданно понял его задачу. Причём понял даже лучше, чем понимал прежде он сам. Даня раздвинул и застелил гостевой диван, затем осторожно подвёл к нему тестя и заботливо уложил.

Снова вышел на балкон, на этот раз отчётливо представив, как прижимает к себе жену и как по очереди целует обоих детей. Но, главное, этот кусок ночи в затихшем доме вечно не спящего города — его и только его время.

Пёс с ней

Однажды поздней весной Таня вышла с переполненным ведром к мусорке. Солнце ярко светило, но сразу за углом налетел резкий ветер, и ведро приходилось всё время держать так, чтобы эти обрывки газет, тонкие картофельные очистки и луковая шелуха не разметались по асфальту. Коварная погода внезапно напомнила Тане, что ей уже больше двадцати и она теперь живёт в другой стране, у которой скукожились границы, где отменили комсомол и где теперь есть секс. Даже слишком много секса.

Именно из-за этого они снова поругались с Вадимом. Его дела так резко пошли в гору, что теперь пришёл черёд Мерседеса вместо привычного Москвича 2140. А ещё он завёл себе другую — крашеную блондинку с рыбьими глазами и хрипловатым грудным смехом. И Таня, узнав об этом, наконец-то решилась всерьёз с ним поскандальить, но как-то быстро ослабела и уже через пятнадцать минут сама не верила своим словам. Она то переходила на визг, то, наоборот, что-то мямлила, повторяя одно и то же, и никак не могла надолго поднять взгляд. Вадим отвечал отрывисто, но уверенно. Да, он её муж, но он человек нового времени, он идёт к успеху, у него теперь другой статус и ему необходимы свободные отношения. «Положена мне любовница, понимаешь?.. Пока не привыкла, можешь пожить отдельно». «Нет, не привыкну...» — Таня по одному вытаскивала из себя слова. «Тогда — вот», — и Вадим шлёпнул по столу пачкой купюр.

Она застыла с гримасой презрения и муки. Но, когда муж вышел, Таня, пометавшись по комнате, будто по

чужой и опасной территории, всё-таки забрала эти деньги — никаких других у неё не было. Их хватило на два месяца съёма квартиры, а ещё на большой мешок гречки, запас мясных отходов и субпродуктов.

Таня перевозила скарб на садовой тачке с одним колесом. Трижды выталкивала её в горку среди бела дня и трижды, погромыхивая, скатывала обратно. Когда с Таней здоровались, она едва слышно отвечала и очень старалась сделать вид, что так и надо, а она занята самым обычным, всем понятным делом. Затем всё разложила и развесила на новом месте. Вымыла пузатый пустой холодильник и оконные стекла. Отскребла полы, перестелила кровать. Включила старый телевизор с рябью на экране и с жутко скрипящими голосами. Ходила-ходила-ходила по комнате и кухне взад и вперёд, два шага влево к телефону, потом три вправо — и уже готова была взвыть.

На второй такой вечер Таня не выдержала. Сначала позвонила подруга Нина, которая собиралась её навестить, но теперь сообщила, что сможет забежать только завтра. Таня глухим голосом ответила, что да, она всё понимает. Ещё постояла, замерев, а потом достала обтягивающее тёмное платье, которое ни разу не надевала после замужества, и туфли на самом высоком каблуке. Во всём этом Таня чувствовала себя совсем другой. Сосредоточенно, как индеец перед выходом на тропу войны, накрасив губы и подведя ресницы, она пошла в ближайший бар.

Там гремела оглушительная музыка. Рядом со стойкой переминался парень, похожий и не похожий на Вадима. Выше, стройнее и, кажется, без лишних понтов. Совсем ещё трезвый и пока застенчивый. Таня приблизилась

к нему и заговорила. А он, кажется, не верил происходящему и с усилием решался на каждое слово.

— Угостишь меня коктейлем? — подсказала Таня.

— Да-да, — засуетится он.

«*Какое же гадостное пошло*», — отхлебнув, думала Таня и отворачивалась, чтобы скривиться украдкой.

— Тебя как зовут-то?

— Ваня...

— А я — Та... Тамара.

— Царица?

— Сегодня — да. Потанцуем? — махнула она рукой изумлённому парню.

И они танцевали. Ваня двигался в такт, но его тело почему-то всё время казалось отдельным от взгляда и лица. Пришлось влить в себя ещё три коктейля и два джина без тоника — тогда всё стало лёгким и насыщенным одновременно. И только музыка... му-зы-кааа... музыка! Как же всем весело... Как же?..

Теперь она купалась в этих жадных мужских взглядах — не прерываясь, долго-долго, отшвырнув туфли куда-то в сторону. Плясала, стремясь выплясать босыми ногами, выдернуть с корнем всю эту возвращённую боль, которую носила в себе. Потом в изнеможении споткнулась, но чьи-то руки крепко и надёжно подхватили... Не хотелось вглядываться и узнавать, чьи они. Не было сил спрашивать, куда её ведут, уводят, увлекают. Это точно был не Ваня, нет, кто-то опытный и сноровистый. Не терпящий долгих заминок, способный срывать одежду и сжимать тело до хруста. Вокруг пульсировала жаркая темнота. Платье было задрано кверху. Кто-то безымян-

ный делал своё дело, ритмично посапывая. Она не сопротивлялась, чувствуя, что сейчас могло быть только так. Да, ближе... да, вот так... да, без ласки... только бы знать — ей тоже что-то положено! И чтобы всё уже закончилось скорее.

Она, пошатываясь, встала с влажной скамейки. Животу и ногам сразу стало холодно.

— Проводить?

Какой же противно самодовольный у него голос!

Она, не глядя, отмахнулась. Босиком добрела до подъезда, держась за перила, поднялась на свой этаж, вошла в квартиру и без сил упала на диван. Не получалось ни сдвинуться, ни уснуть. Из-за стены отчётливо доносилось стариковское кряхтение. В другом конце комнаты часы пульсировали со странными звуками. Включался и замирал холодильник. Тело болело. На душе стало совсем пусто. Так и пролежала с закрытыми глазами...

В три часа дня явилась подруга Нина. Не разуваясь, она энергично прошлась по комнате, выглянула с кухни во двор и присела к столу выпить чаю. Пачка печенья была у неё с собой. Таня чувствовала, что подруга настроилась выслушать про их разлад с Вадимом, но сегодня она не могла об этом говорить. Надо было либо делиться всем, как на исповеди, либо не заговаривать вовсе.

Нина, понятное дело, удивилась её молчанию о главном, но постаралась не подать виду. Перевела разговор на свою работу — она не первый год была кинологом в питомнике. С собаками Нина вела себя требовательно, а с людьми деликатно. Окончательно поняв, что откровенного разговора сегодня точно не случится, она двумя

глотками допила чай из чашки и тут же вспомнила, что именно сегодня ей надо зайти на почту. На прощание она раскрыла сумку и протянула Тане книжку с нездешними безумными глазами, прорисованными на чёрной обложке, и белыми буквами «НОСТРАДАМУС».

— Вот, почитай. Там про будущее — ничего не понятно, но очень интересно.

Таня приподняла и перевернула ведро над мусорным баком. И тут же заметила его — высоченного тощего дога с опущенным хвостом и потерянными глазами. Не заметить его было нельзя — он выглядел разорённым аристократом, доведённым до самой последней крайности. Бока ввалились, а рёбра выпирали, едва не протыкая шкуру. Его пошатывало от голода. Дог принюхивался к рваному целлофану и картофельным очисткам.

Вдруг он заметил Танин взгляд и резко вскинулся, как от пощёчины. Всё это было для него нестерпимым позором. Таня осторожно приблизилась. Негромко поцокала языком, затем дотронулась пальцами до загривка. Он дал себя погладить, безучастно уставившись куда-то в точку.

— Ну, хороший мой, пошли, пошли, — позвала его Таня.

Дог недоверчиво оглянулся и последовал за ней. В подъезд он вошёл первым. На каждой площадке останавливался и спрашивал взглядом — здесь? Они поднялись на третий этаж. Таня раскрыла перед ним обе двери, вторая была полупрозрачной и открывалась внутрь. Подозрительно озираясь и принюхиваясь, пёс вошёл в квартиру.

— Как тебя звать-то? — спросила Таня.

Дог приподнял голову и коротко стукнул хвостом.

Таня закинула мелко нарезанное мясо в самую большую кастрюлю, залила её водой, досыпала гречки и стала варить.

Под крышкой забурлило. Запах распространялся всё сильнее. Дог сидел в коридоре, но вытягивал шею насколько мог и нетерпеливо заглядывал в кухню.

Насыпав дымящейся мясной каши в большую миску, Таня немного выждала и наклонилась, чтобы поставить её на пол. Он не мог дольше сдерживаться и мгновенно рванул к еде. А Тане вдруг показалось, что ещё горячо, и она выставила перед ним свободную руку. Пёс глухо зарычал, оскалив зубы.

Перепуганная Таня со стуком выпустила миску и медленно сползла по стене, сквозь мутную пелену неотрывно глядя на эту огромную ощеренную морду. Снизу вверх. Она тут же вспомнила, как подруга-кинолог Нина настоятельно предупреждала, что допускать этого нельзя никогда — любая собака, посмотрев сверху, чувствует себя вожаком, хозяином положения. Но Таня уже ничего не могла с собой поделать. Все слёзы последних месяцев вдруг вырвались и потекли разом.

— Ах, ты! Кобелина! Т-такой жее... как все мужики! Я тебе мясо варю... покормить хотела... А ну-у-у уйди от меня! Жри и убирайся отсюда!

Но он никуда не ушёл и даже забыл про еду. Его взгляд прояснился. Он аккуратно присел рядом и вылизал её лицо тёплым шершавым языком.

Прошло три месяца. Дог, которого Таня назвала Малышом, заметно поправился. Теперь он резво сбегал по

ступенькам, носился по двору, по улицам и парку, чудом вписываясь на своих длиннющих лапах во все повороты. А иногда — осторожно вставал на задние ноги, и, будто приобняв Таню за плечи, влюблённо и преданно заглядывал ей в лицо. Дома он почти всегда лежал на коврике, а если передвигался, то с крайней предупредительностью.

Таня выходила из квартиры всё с тем же ведром. Она едва успела прикрыть вторую полупрозрачную дверь и задвинуть шпингалет снаружи, когда заметила незнакомого мужчину лет под пятьдесят с седыми волосами по плечи, который поднимался на их площадку. С его правой руки свисал потёртый поводок с широким кожаным ошейником. Пустым.

— Это вы из десятой квартиры? — зацепившись за неё прищуренным взглядом, хрипло спросил незнакомец. Тане показалось, будто он нарочно протрезвел ради этой встречи. И всё-таки при каждом раскрытии рта и шумном выдохе до неё докатывалась волна кислого перегара.

— Да, — подтвердила Таня. — А вам кого?

— Это вы мою собаку себе забрали? Чёрного дога?

Таня поняла, что перед ней стоит хозяин Малыша — или как его звали раньше? Она не знала, что ответить. Врать без толку. Все соседи подтвердят, а тётка напротив точно всё выболтает.

— Так вот: собака — моя, — продолжил мужчина. — Кобель. Ему теперь год и два месяца.

— А откуда я узнаю, что он ваш?

— У меня документ на руках. Происхождение, — он торжествующе усмехнулся. — И кличка его — Ромуальд Бургундский.

Мужчина достал из-за пазухи и развернул сложенный вдвое бланк.

— В-вы сами хоть понимаете, — Танин голос дрожал, — до какого состояния его довели?

— А это не ваше дело! Я его заберу, он дорогой.

Было видно, как у мужчины заходили желваки. Он, видимо, уже прикидывал: отодвинуть ли Таню в сторону или настоять, чтобы сама открыла?

— Вас как зовут? — Таня оттягивала время, судорожно пытаясь найти несуществующий выход.

— Юрий Гаврилович с Лагерного. Отворяй уже...

Таня протянула руку, но в этот момент донёлся резкий рык. Пёс, мирно лежавший на коврике в углу, узнал ненавистный голос и тут же рванулся навстречу. Всеми девиноста килограммами своего веса он с утробным рычанием кидался на дверь, которая держалась только чудом. Слюна текла по стеклу. Таня сперва оторопела, а потом медленно перевела взгляд на Юрия Гавриловича.

Тот внезапно съёжился и весь вжался в стену напротив, понимая, что, если дверь сейчас не выдержит, ему уже не скрыться. На посеревшем лице выступили землистые пятна. Тане даже показалось, что его седые волосы становятся ещё белее.

— Сейчас я открою и вы его заберёте? — спросила Таня.

Юрий Гаврилович не сразу её расслышал, а затем отчаянно замотал головой.

— Н-н-не надо мне, — сдавленно прошептал он.

— А уж если не поладите, то я не при делах.

Зажмурившись, он продолжал мотать головой из стороны в сторону, как заводная кукла.

— Тогда хорошо запомните эту квартиру, этот дом и этот двор. И больше никогда сюда не приходите. Понятно вам, Юрий Гаврилович?

Его голова теперь задёргалась сверху вниз. Судорожно кивая, он протянул бланк Тани и стал задом спускаться по ступенькам, не отрывая взгляда от этой страшно грохочущей двери.

Хлопнула дверь подъезда. Удары стали понемногу стихать.

— Мальш, это я...

Открыла дверь и вошла. Мусор из полного ведра посыпался на пол.

Таня села и долго-долго не могла встать. Ей казалось, что сейчас он перестанет прикидываться собакой и заговорит. И про всё-всё расскажет, совсем как Нострадамус, только проще и понятнее. Но он встряхнул головой и едва слышно о чём-то прорычал.

Возможно, о том, что у Тани в жизни будет несколько собак, хотя ни одну из них она и не подумала бы заводить нарочно. Что ни разу она не поедет в питомник для придрчивых осмотров перед выбором щенка и не станет платить за него деньгами, чтобы забрать с собой в специальном такси с услугой перевозки домашних животных. Потому что каждая её собака неизменно будет объявляться сама и, протяжно заглянув в глаза, привязываться невидимой пуповиной к сердцу.

А может быть, и о том, что Таня с мужем помирятся ещё дважды, прежде чем разойтись насовсем.

Моя вдова

Не забудь того момента, когда всё поменялось. После тебя и того разговора. Прошу, не забудь, пусть даже тебя здесь рядом уже не было. Но, вопреки очевидности, мне кажется, я почти уверен, ты всё видела и знаешь лучше меня, поэтому поправляй, если что-то не так понял. Поправляй, если собоюсь...

Мне удалось приподнять свою отяжелевшую голову, оглядеться вокруг в тусклом желтоватом свете последней уцелевшей лампочки и вдруг отчетливо осознать, что нужно всё стереть. Что вся эта мазня не стоит холстов и картонок, когда-то чистых, а теперь замаранных. И что такая жизнь, в которую вляпываешься, как в коровью лепёшку, — сплошная нелепость. Меня неудержимо заколотила похмельная дрожь.

...Не помню, сколько так трясло мой жалкий организм на продавленном липком диване; помню, что стало холодно, как только я высвободил руки из пиджачных рукавов; рот пересох, и поджатые пятки чуть не ударились о мою собственную задницу. Казалось, это никогда не кончится, пока я не сполз с дивана, не встал и, споткнувшись о глухо зазвеневшую пустую бутылку, добрёл до зеркала, протёр его рукавом и отодвинулся. На меня растерянно глядело чужое обрюзглое лицо с бледными, выцветшими глазами. Нижняя губа обвисла, а под левым дергавшимся оком я рассмотрел следы гематомы. Таким только детей пугать, проплыло в голове.

Я отступил к стене, осмотрел несколько развешанных на ней картинок с жёлто-фиолетовым фоном, наткнул-

ся на покинутую пауком бесхозную паутину с высохшей зелёной мухой и с внезапной ошеломляющей ясностью понял, что там, в зеркале, — это я... Именно таким бывает осознание своего нового возраста. Хлоп — и тебе уже не двадцать пять. Хлоп — уже не тридцать три. Хлоп — и даже не сорок. И треть моих одноклассников уже лежат в земле, под тяжеленными камнями или вбитыми в землю крестами, и они ничего, ничего по себе не оставили, и я тоже не оставляю, хотя и могу издали показаться живым.

Несколько неуклюжих шагов, неловких движений — и вот уже панику сменяет бессилие. Мои руки привычно опускаются. Тебя здесь нет, тебя не должно здесь быть, но это же ты, как Джоконда, смотришь на меня с чужого недописанного портрета. Смотришь сначала с сочувствием и тенью улыбки, потом с жалостью, которая всё больше наливается презрением.

Я не выдержал взгляда, захотелось сжаться, спрятаться. Отползти. Наконец-то я что-то понял не в устройстве Вселенной, не в закономерностях истории человечества и даже не в цветовой палитре, давшей гениальную картину. Просто в своей комнате.

Надо прибраться, надо хотя бы прибраться, застучало в голове. Надо, надо, надо. В комнате и во всём доме. Если даже помрёшь, нельзя оставлять мир во всём этом.

Сознаюсь ещё раз, я не узнал тебя, там у кассы. Чуть-чуть кольнуло под левый бок, но нет — не узнал.

С утра всё было тихо. Директор уехала отчитаться о нашей грандиозной работе. И ни одного посетителя. Только мухи сонно жужжали себе под потолком. В са-

мом деле — школьников нет. А кто пойдёт в наш захламленный музей ради улучшения своих познаний в краеведении? Я кивнул Ираиде Павловне, вышел на задний дворик и, стоя на крохотном крылечке, отхлебнул пиво большим успокаивающим глотком. Где-то там, вдалеке, над излучиной Дона, чуть приплясывая, дрожало марево. Самой реки отсюда не видно. Вот и пятница, лениво подумал я, и опять жара. Всё как всегда.

Но в эту пятницу всё должно было быть по-особому. Уж это ты точно знала лучше меня. Ираида Павловна последила мне нашим условным стуком. Я спрятал ополовиненную банку и, слегка одёрнувшись, вернулся в зал.

Одет я был по своей обычной весенне-летней манере: чуть стоптанные удобные сандалии, длинные брюки и совершенно неуместный вне музейных стен тёмный пиджак с большим растрёпанным цветком за лацканом. Да-да, я привык выставлять напоказ чудачества и спасаться шутовством.

— Кто это там? — спросил я с деловитой развязностью.

— Хотят экскурсию.

— А на сколько человек?

— На одного.

— Пусть подождёт ещё троих желающих, — возразил я. Водить спозаранок одного единственного посетителя и целый час разливаться соловьём мне сейчас совсем не улыбалось.

Но не успела Ираида даже нахмуриться, как из «предбанника» раздался хрипловатый женский голос, не очень громкий, но уверенный:

— Я заплачу за экскурсию на четверых.

Ты вышла из-за узкой стенки — в тёмных очках и в шляпе, такая нездешняя, почти невозможная, и вот в этот момент у меня кольнуло в боку, но я всё-таки не узнал тебя сквозь прошедшие девятнадцать лет и два месяца.

Ираида Павловна смущённо отсчитала сдачу и, бросив на меня укоризненный взгляд, улыбнулась гостье:

— Наш дорогой Вильгельм Степанович проведёт незабываемую экскурсию.

Спасибо, что не уточнила должность. Это очень неловко в мои годы — зваться младшим научным сотрудником. То есть обычно — перед кем-то другим — мне бы было всё равно, я знал, как легко отшутиться, но в этот момент стало бы неловко.

— Да, конечно, — я подбочился, стараясь принять свой самый солидный, даже напыщенный вид, и начал: — Итак, всего у нас три зала. Первый относится к периоду ранней античности, а лучшая находка — наша гордость — шлем Скифского царства...

Ты шла и слушала, то и дело оказываясь позади на том погранично близком расстоянии, которое вызывало беспокойство. Не задавала вопросов, и за тёмными очками было не разобрать, интересно ли тебе хоть что-то из того, что я здесь несу. Я всё время помнил, что из-за моей прихоти ты заплатила за четверых, поэтому ещё сильнее хорохорился, повсюду указывал пальцем и сыпал датами. Я изнемогал, пытаюсь увлечь тебя тем, что давно уже опостылело мне самому.

— Хотите о чём-нибудь спросить? — уточнил я на выходе из зала и обернулся.

Ты оказалась совсем близко.

— Да, — меня едва не обожгло этим страстным шёпотом. — Как целовались скифы?

Я жалобно кивнул на муляж видеокамеры, висящий в углу зала:

— Определённых исторических свидетельств не сохрани...

— Но точно без порошкового пива с утра? — это было похоже на выстрел в пах.

— Вы что думаете — я миллионер? — и мне самому стало противно от собственного скулящего голоса.

Тут ты покачала головой и наконец сняла свои тёмные очки. Ты прищуривалась всё так же, только мелкие морщинки разбежались вокруг по-прежнему ярких зелёных глаз. И именно те морщинки убедили меня, что это — правда.

— Думаю, просто пугливый постаревший мальчик, — проговорила ты без малейшей грусти, словно вспомнила строчку из характеристики.

Голова мотнулась вниз — от такой неожиданности я готов был согласиться с чем угодно.

— В последний зал я не пойду, — твои слова с трудом до меня доходили. — Будь вечером в «Чайке». И пожалуйста, не пей сегодня.

— Подожди... — мой голос снова предательски дрогнул. — Вот...

Я сглотнул и судорожным движением попытался выдернуть цветок из лацкана, но растерзанный бутон отвалился без стебля. Твои пальцы скользнули по моей ладони и легко его подхватили.

— Сегодня в семь.

...Я медленно, как на плаху, шёл по этой вечной улице тысячу раз проклятого городка с пирамидальными тополями по обеим сторонам. Знойное солнце уже валилось к горизонту и слепило даже под козырьком моей кепки...

Плюхнулся за столик возле бара, но уже через пару минут меня оттуда согнали — он вдруг оказался зарезервирован — и указали на место в дальнем углу. Пришлось перебраться туда. Признаю, что не исполнил твоего пожелания. Но это же рабочий день закончился раньше! И, как ни долго плёлся, попал я в «Чайку» тоже раньше. Совершенно не знал, куда себя можно деть, томился и маялся, и вот через пятнадцать минут внутренней борьбы прибегнул к испытанному рецепту — принял для храбрости и, согрев нервы и потроха, блаженно ухмылялся.

Я вспоминал про нас. Прежде, чем ты уехала, а я оказался подлецом.

С тобой, с той Аней, у меня был недолгий и горький роман в юности... *...ты помнишь, как всё начиналось? всё было впервые и вновь...*

Я завоёвывал твоё внимание и стал рисовать как безумный, и какие подавал тогда надежды! Самые большие надежды в моей кособокой жизни. А потом, когда мы поцеловались и в абрикосовом саду произошло нечто большее — ты вся стала моей, — я был счастлив. Я носил в себе это счастье, как Мадонна младенца. Ждал каждой встречи, точно знал, как пахнут именно твои ресницы после купания и как всегда взмывают, чтобы упасть на

плечи, волосы, когда стихает ветер, и, главное, как выступает крохотная капля пота над верхней губой и ты вся исторгаешься в безмолвной волне восторга. Эта наша с тобой сокровенная вечность продолжалась неполных две недели.

Тебе прислали срочную телеграмму, надо было уехать к тяжело больному отцу за много километров, и ты взяла академ на своём факультете. А у меня не нашлось уважительных причин, чтобы отправиться с тобой в дорогу. Знаю, в нашу последнюю ночь перед твоим отъездом ты хотела от меня ребёнка. Конечно, мне ты этого не сказала, но можно же почувствовать, считать без слов. Не думай, что мужики такие деревянные! Женщина по-другому двигается, по-другому прижимается и замирает. Тогда я вдруг понял это. Понял и оторопел, как будто в миллиметре от моих пальцев, ободрав кожу, с лязгом захлопнулся волчий капкан. Не смог быть мужиком, как был раньше. И как потом — тоже. Но тогда казалось, что это ничего не значит — я как-то легко и приподнято нес твои чемоданы на станцию, гордый, что помогаю тебе, и одновременно опечаленный, что мы так скоро расстанемся на неизвестный срок.

Я закончил ещё две картины, написал тебе вдогонку несколько писем и решил, что могу ненадолго расслабиться, у меня только-только появился свой дом — родители перебрались в старую квартирку, — полагалось справить новоселье. И вот товарищи потянулись на свободную хату. Я выставил на стол всё что было. Они приносили с собой и поднимали тосты за мои успехи. Так прошло несколько вечеров подряд. Я не умел отказывать,

и у меня, напившегося и ослабевшего, сама собой завелась другая женщина. Поначалу я отмахивался от неё, как от мухи. Она, недовольно жужжа, кружила и возвращалась почти на то же самое место. И ещё — беспрестанно мной восхищалась. А на письма к тебе всё не было и не было ответов. Видимо, твой отец всё никак не выздоравливал и не умирал. И я купился на эти её льстивые восторги. И оправдал себя подозрением, что у тебя там кто-то есть. Должен быть, и никак иначе.

Через три месяца ты вернулась от отца и добрые люди, конечно же, немедленно тебе всё рассказали, а потом ты пришла и увидела сама. Помню, как менялся твой взгляд, как он угасал и разгорался уже другим пламенем — сначала ты смотрела на меня, как на падшего титана, а потом уже — как на червяка. В словах, в каких-либо пояснениях не было смысла. Но это была картина. Если бы только я мог упросить и написать тебя тогда! Ненавижу себя за то, что в такой момент подумал об этом. Но, конечно, ты развернулась и ушла. Пригвождённый, обессиленный, я был не в силах встать, просто подняться. Разве можно так ослабнуть? Лежишь потрошённой заживо рыбой, и только плавниками шоркаешь. Как будто вырвали из тебя всё, кроме острого, колющего всеми углами стыда.

Потом я стал сомневаться даже в том, что ты правда приходила и смотрела и это всё мне не привиделось. Но нет же, видел. Видел. Я не мог придумать этот взгляд. Ту муху, которая уже перестала льстиво жужжать и принялась было командовать по-хозяйски, я всё-таки выставил к концу недели. То есть не выставил, конечно, а — выжил. Прикинулся, что помираю. Стал просить принести

одно и срочно купить другое. Когда до неё дошло, сколько хлопот ей со мной предстоит, сама сбежала. Было ещё несколько мимолётных женщин, а потом не осталось ни одной...

Ты приезжала несколько раз, и однажды мы почти столкнулись у прилавка магазина. Это ведь неизбежно в таком маленьком городке. Что-то важное по-прежнему связывало нас, как пуповина. Я набрался нахальства и спросил:

— Всё ещё дуешься на меня?

Прошло несколько звенящих нескончаемых секунд, а потом ты покачала головой:

— Нет.

— Тогда — что?

— Ничего, сойди с дороги.

Нахальство с меня сауло, однако я всё равно увязался следом и выпрашивал, вымаливал, вытягивал из тебя хоть слово о прощении. Но так и не вытянул. Ты закрыла калитку прямо передо мной и в тот вечер больше не вышла.

Я заказал ещё половину графинчика и, когда ты пришла, уверился, что готов к любому разговору. На тебя обращивались — официант, бармен, все трое мужчин за тем столиком, из-за которого выгнали меня. Увидев, куда ты подходишь и как неуклюже, но старательно я отодвигаю для тебя стул, они так и вытаращились.

— Привет, Гийом, — сказала ты. Ты звала меня всё так же, на французский манер.

— Здравствуй...

Благодаря тебе я когда-то примирился с этим своим дурацким именем. Оно ведь означает *«желанный защит-*

нию». Но какая же несусветная глупость, особенно здесь, в степи, — Вильгельм Синеоков, донской казак. Вот почему — именно меня? Не брата, не собаку!

Родители не надеялись на моё большое будущее, не прочили меня ни в какие дипломаты. Да нет же, дурканили просто, захотели выделиться. Конечно, в молодые годы я через силу распушал хвост и наводил тумана, но имей в виду, на самом-то деле меня назвали в честь коммуниста Пика, а не императора Гогенцоллерна! Но в этом я сознался только тебе. Всё-таки император — даже самый скверный — звучит внушительнее любого коммуниста. В детстве меня прозвали Вильмошкой-кочерёжкой. Издевались, что говорить. А я никогда и ни от кого в школе всерьёз не отбивался, и вскоре меня перестали трогать, я стал кем-то вроде блаженного. И потом не трогали. Ну, почти. Больше всего мне нравилось рисовать и читать, читать и рисовать. Это меня так затянуло, что местная библиотека скоро кончилась, а с карандашей я перешёл на кисти.

— Как твои дела, Гийом?

Ты ведь нарочно надела именно такое платье? Как же оно похоже на то, в котором ты тогда уходила от меня! Похоже, только чуть другого оттенка...

— Как видишь. Пока живой, — я не знал, как теперь к тебе обращаться: Аня? Анна? Сударыня?..

— Это ненадолго, — ты кивнула на графин с остатками водки. — Ты всё равно напился, зачем?

— Наверно, стал слишком много всего знать. Сколько раз мне приходилось пить, чтобы опуститься на их уровень, как говорят гопари — стать проще. Как тут найдёшь

самого захудалого собеседника, если он тебе не собутельник? А выпил — и всё прояснилось, вмазал — и понеслась.

Думаешь — это вечная нелепая отмазка? Может быть, потом, а сначала — именно так всё и было.

— Но ты же шёл не к кому-то. А со мной — опускаться в интеллектуальный подвал не надо.

— Ладно, попробую, — я попытался изобразить на лице непринуждённую усмешку. Наверно, очень плохо получилось?..

— Скажи, ты сам доволен такой жизнью?

— Не-а, — я мотнул головой. — Но у меня ничего и не должно было получиться.

— Это почему?

Хотел было заикнуться про свою заурядную провинциальную семью, но успел одёрнуться. У брата-то ведь многое получилось.

— Я же — трус.

— Да, ты повёл себя как трус. Но все в чём-то трусят.

— Но я-то — во всём! Я убегал ото всего хорошего, что мне попадалось в жизни. Два раза у меня всё было, и оба раза я всё пролюбил. Первый был с тобой и потом... Только там совсем другая тема.

Тут я обвёл кафе мутным взглядом и отделался самыми общими словами. Поэтому скажу сейчас.

Этого ты не знаешь. Однажды мне в руки попали деньги. Не гроши, как обычно, а — деньги. Просто утопическая для меня сумма, хоть и завёрнута в пакет с дыркой. Тогда я ещё как-то рыпался и, кроме привычного огорода, выезжал в соседний город на приработки. Там

живописнее, ну и туристы заглядывают. Чуть свернёшь от автостанции, и сразу удобная такая площадка: с одной стороны — обрыв реки, с другой — старинная городская застройка. А в тот день ещё и ярмарка была. Приехал и сел скромненько, наособицу от местных, так чтобы не слышать, как они ворчат, или тумачат от кого-нибудь случайно не выхватить. Первый хрустальный ледок на лужах, а голым рукам холодно.

И вот подходит ко мне пацанище из крутых, с золотой печаткой такой вот, но весь на каком-то непонятном мне взводе. Я это сразу чую — жизнь приучила. Он мимо всех прошёл — я последний. В упор глядит и спрашивает: давно сидишь, мол? Давно, — тут же киваю, и отвечаю ему так аккуратно, чтобы ничем не огорчить. А он глазами по сторонам рыщет кого-то и не находит. Как-то слово за слово, вроде понравился я ему, успокоил, расположил. «Ну, намалюй меня, раз умеешь», — говорит. Я-то рад стараться, беру и малюю, без особых изысков, так чтоб сходство было. Вот уже и черты проступают, лоб, глаза, скулы. Хорошо идёт, бойко. Фон намечаю — и вдруг вижу, чувствую что-то тревожное, тоскливое. Как будто живой человек и — неживой уже. Какое-то зыбкое пограничье. А остановиться нельзя, а то занервничает клиент, огорчится. И меня заодно может огорчить.

Вдруг из-за спины потянуло тинной. Я аж подскочил на складном стуле. А это рыбак, с ведром и закидушкой, сзади тихо встал — смотрит такой, кивает. В ведре у него бьётся кто-то, брызги пускает, пока ещё живая рыба, но уже ясно, что без пяти минут уха. Вот же прошибло меня до пота, портрет этот еле дописал! Всё, повернул, пока-

зал работу. Очень ему понравилось, сразу вытащил одну крупную купюру, заплатил и забирает. От сдачи отмахнулся и отошёл было метров на двенадцать. Но вдруг опять идёт ко мне и, вижу, косится на двоих крепышей в сторонке. Откуда уж они вышли, не заметил, но явились эти бандюганы, как я понял, неспроста. Он нарочно стал к ним спиной. «*Подержи у себя, фраерок, — приказывает шёпотом и быстро-быстро суёт мне свёрток, толкает в душу, — я потом приду. Дождись тут*». Сунул, отошёл как будто вразвалку, а потом развернулся и рванул вниз по той же тропке, по какой приходил рыбак. Те двое чуть выждали — и за ним следом.

А я промаялся там допоздна. Ярмарка разъехалась. Мазилы местные все разбрелись. Продрог, как псина бездомная. К вечеру нарисовал эскиз заезжего австрияка и ещё семейный портрет в пастельных тонах. Карандашом штрихую, потом кистью вожу, а сам только про свёрток за пазухой и думаю. Пацанище так и не пришёл, и пришлось мне домой тащиться на самом последнем автобусе. Из пакета картон замотанный просвечивает, но тронуть его боюсь.

Через день опять вернулся, прохожу с мольбертом мимо местных, а они все в одну кучку сбились и шушукуются. Когда я нарочно остановился возле них, на секунду притихли, а потом один шепелявый так напрямую и говорит: гтофнули тфоего клиента. Наглуфняк, такие дела. Не убежал от судьбы, — другой бороду гладит и добавляет. А портрет он насмерть зажал, не выронил, — это уже не помню кто, слева. И в нём две дырки, и в портрете. Хофэфь на опознание сфездить? Где мог — покажем.

Не хочу, — шёпотом отвечаю. Ну, хоть сигареткой угости за такие новости? А я стоял опарашенный и охлопывал себя по всем карманам, пока не вспомнил, что не курю. Вернулся домой и только тогда, за запертой дверью и с опущенными шторами, надорвал свёрток. А там две пачки баксов, и в скрутке — рубли.

Кажется, радость — деньги, вот они. А я такого страха тогда натерпелся! Если присяду, то на каждый собачий брёх вскакиваю. Не знал, что с ними делать вообще. Раз вытянул две бумажки по сто тысяч «деревянных», пошёл пожрать в бистро. Не в «Чайку», а в старое бистро, которое раньше было. В меню потыкал — принесли. То принесли или не то, не знаю. Мне бы в тот раз хоть свиных хрящей задали вместо арбуза, не отличил бы. Что ел?.. Что пил?.. Никакого вкуса не помню. Знал только, что дорого, и всё казалось, должны меня обязательно за этим занятием поймать. Руку на плечо положат и — ну-ка, пошли с нами, браток! Думал родителям часть незаметно подкинуть, да они сами такие же, честные и боязливые, — переполошил бы их только. Где брат, я точно не знал. Стал думать, как быть, — и надумал.

Звал собутыльников, а сам выкладывал находку на видное место, намекал им, чтоб забрали. А они — ни в какую, заложат свою норму за воротник, погрозятся друг дружке рыла начистить и не лезут никуда. Ничем не интересуются, как амёбы. Ну и суммы такой бояться — куда с ней тут денешься? Три раза пробовал, да только водку на них извёл.

Совсем было затосковал, зачах, как Кащей над золотом, но тут, на счастье, объявился брат мой, экономист Серё-